

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. Н. ЕРЕМЕЕВОЙ, А. Ю. РОЖКОВА, М. Р. СТРУГОВОЙ «НАУКА И ВЛАСТЬ: КУБАНСКИЙ КОНТЕКСТ (1917–1941)». КРАСНОДАР, 2009. 124 с.

Берлявский Л. Г.

Наука и власть — одна из тем, которые активно изучают ученые различных специальностей. Ее российские/советские ракурсы, в том числе в рамках рассматриваемого в данной книге периода 1917–1941 гг., многие десятилетия привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей.

Актуальным представляется изучение обозначенной темы на региональном уровне. Такая попытка предпринята авторами рецензируемого труда.

Во введении А. Н. Еремеева дан подробный анализ отечественной и зарубежной историографии проблемы. Доказано, что, несмотря на обилие работ, так или иначе затрагивающих региональное измерение темы «Наука и власть», специальных исследований пока не написано. Поставлена задача рассмотреть основные тенденции и конкретные результаты взаимодействия науки и власти в 1917–1941 гг. на примере деятельности вузов и научных учреждений, в частности, Краснодарского историко-краеведческого музея.

Значительный удельный вес вузовских сюжетов можно объяснить спецификой региона, слабым развитием здесь академической науки. Исторически сложилось так, что местная вузовская система принимала самое активное участие в научных исследованиях и разработках, аккумулируя в своих структурах значительную часть южно-российского кадрового и инфраструктурного научного потенциала.

В первой главе рассмотрены основные тенденции диалога науки и власти в 1917–1941 гг. на общероссийском и региональном уровнях. Автор (А. Н. Еремеева) пришла к выводу, что в 1917–1920 гг. политика советской власти и антибольшевистских режимов по отношению к ученым определялась, с одной стороны, прагматическим началом, с другой — стремлением к политической нейтрализации научной интеллигенции. Поддержка науки и образования была одним из немногих совместных «проектов» ученых и власти. 1920–1930-е гг. рассматриваются как решающий этап в советизации науки и научной интеллигенции. Путем комбинирования «мягких» и «жестких» мер партия и государство сделали немало для адаптации ученых к советской действительности. «Великий перелом» в науке и последующие события завершили процесс централизации и монополизации науки: она стала неотъемлемой частью государственной структуры. Борьба идей внутри научного сообщества все более про-

питывалась идеологией и политикой, происходила «политизация профессиональной культуры». На уровне региона указанные тенденции просматриваются более или менее очевидно. Локальные особенности, по мнению автора, связаны с преобладанием на Кубани сельскохозяйственных научных центров, молодостью научных и вузовских структур, менее, чем в столицах, выраженной внутренней иерархией в научном сообществе, отсутствием научной элиты общесоюзного уровня, академических учреждений. Имели значение и культурно-исторические особенности региона.

Во второй главе, написанной А. Ю. Рожковым, кубанская высшая школа 1920-х гг. рассматривается как плод классово-партийного подхода к высшему образованию. Проанализирован ущерб, который, по мнению автора, нанесла будущему страны идея пролетаризации высшей школы. Механизм притеснения вузовской профессуры показан в основном на примере «локального случая» — дела Г. Синдаровского. Рожков приходит к выводу о том, что привычные абстрактные схемы отношений «власть — интеллигенция», «власть — молодежь» в рамках конкретного случая утрачивают свою актуальность и значимость — по крайней мере, уже не выглядят столь однозначными. Партийно-комсомольская часть вузовской молодежи сама становится «властью» по отношению к интеллигенции, к своим преподавателям. Получается буквально по М. Фуко: она, эта новая «власть», которая «существует как сеть», переносится юными индивидами («посредниками» власти), но «не накладывается на них». Не менее наглядной областью фактического действия системы власти являются техники и процедуры притеснения вузовской интеллигенции: бывшие рабфаковцы и пролетарские студенты, набранные в вузы по политической целесообразности, стали «чистильщиками» высшей школы от «реакционной» профессуры.

В третьей главе рассматривается деятельность Краснодарского историко-краеведческого музея в условиях социально-политических реалий 1930-х гг. В те годы он стал самостоятельной административной и финансовой единицей. Государство щедро финансировало исследовательскую работу и профессиональную учебу музейных сотрудников. Значительный резонанс получили археологические исследования музея, его коллекции стали широко известны за пределами края. Возродились музейные этнографические экспедиции. Однако массовое краеведческое движение пошло на убыль.

Как убедительно доказала автор главы — М. Р. Стругова — экспозиционная, просветительская, фондовая, методическая, исследовательская деятельность была подчинена партийно-государственной политике и отражала дух времени. Унифицированная экспозиция по периоду советской истории практически служила иллюстрацией к курсу истории ВКП(б). В предвоенные годы власть использовала возможности музеев для целенаправленного формирования общественного сознания и воспитания национально-патриотических чувств.

Разумеется, в рамках предложенного объема (чуть больше 7 п. л.) сложно с достаточной полнотой раскрыть все аспекты взаимоотношений науки и власти. В дальнейшей работе авторам целесообразно обратить более пристальное внимание на научно-исследовательские учреждения сельскохозяйственного профиля, доминировавшие в регионе. Однако в целом книга, написанная на должном научном уровне, на основе солидной источниковой базы, производит благоприятное впечатление. Она будет интересна специалистам по социальной истории науки, региональной истории, историкам культуры.

Сведения об авторе:
 Берлявский Леонид Гарриевич,
 д-р ист. наук, профессор Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Ростов н/Д).
 E-mail: berlg@yandex.ru